

Прагу нужно уничтожить

Диана Попова

18+

Диана Павловна Попова

Прагу нужно уничтожить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55523487

SelfPub; 2020

Аннотация

Действие этой готической новеллы происходит в одном из самых мистических городов мира – Праге, где любовная история сменяется историей противостояния: героини с демонами в её голове и своенравным средневековым городом. Что будет после "пока смерть не разлучит вас"? Сможет ли она справиться с этим и принять единственно правильное решение? Ведь, как уже было сказано об этом городе, "у Праги те еще цепкие когти..."

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Основано на правде и лжи.

«Прагу надо сжечь, Прагу надо сжечь, сжечь, сжечь...» – бесконечно крутилось в моей затуманенной голове. Еле волоча ноги от усталости, мы второй час искали хоть какую-то возможность поест в этом чёртовом городе. На дворе стоял отвратительнейший поздний вечер 27-го октября 2019-го года. Шёл третий день моего брака и первый день моего свадебного путешествия, которое я, к тому моменту, уже успела возненавидеть всеми фибрами своей, заточённой в голодном теле, души.

День первый

« – ... говорят, путешествия – лучшая школа. Вы согласны, месье?»

– Наверно, это переворачивает всю душу. Если бы мне довелось однажды куда-нибудь поехать, перед отъездом я описал бы на бумаге все мельчайшие чёрточки своего характера, чтобы, вернувшись, сравнить – каким я был и каким стал. Я читал, что некоторые путешественники и внешне и внутренне изменялись настолько, что по возвращении самые близкие родственники не могли их узнать»

Ж.-П. Сартр «Тошнота»

Дамы и господа, пристегните свои ремни, наш самолет готовится к посадке в аэропорту Вацлава Гавела, и всё такое, и далее по тексту. Ледяными вспотевшими ладонями я мёртвой хваткой сжимала подлокотники кресла и думала, конечно же, о приближающейся смерти. Каждый мой полёт на са-

молете имел одни и те же стадии принятия: вот я сажусь в самолет в Москве, думая о том, как это совсем безопасно и совсем не страшно. Вся свистопляска начинается буквально с первой минуты взлёта: вспоминаются все просмотренные «расследования авиакатастроф» и понимание того, что я, в общем-то, совершенно не представляю, как эта железная штука держится в небе и совсем не падает. Финальная часть постановки происходит во время объявления посадки – я уже готова принять любой поворот событий и начинаю параноидально прикидывать, вспомнит ли в случае чего, мамочка того орущего впереди ребенка о том, кому надо первым надевать кислородную маску?

Из самолета я выхожу на негнущихся, дрожащих ногах с клятвенными заверениями, что «больше никогда» и «обратно пешком». Да, тысячу с лишним километров. Затем, проходит пару месяцев и весь порочный круг повторяется снова.

Услужливый молодой человек с наружностью выходца из любой, ныне европейской, части постсоветского пространства вежливо поздоровался со мной и моим мужем на чистом русском языке, проводил нас в машину и включил дорогой сердцу вечно ностальгирующих мигрантов русский блатняк. Машина плавно катилась по идеально ровной глади автобана. Наступающие сумерки окрашивали проплывающие мимо гетто-райончики пригорода в приятные голубоватые полутона. Было забавно разглядывать эти мелькающие однотипные двух-трехэтажные дома, окруженными же-

лезными баками с мусором, извечным граффити на заборах и мысленно сравнивать это с традиционными картинками Праги, с её костёлами и мощёными улочками. Мы подъехали к концу огромной пробки и начали ползти с угнетающе маленькой скоростью. Почти задремав, я, внезапно, широко раскрыла глаза от удивления и придвинулась ближе к окну, когда машина выехала на широкий, красиво подсвеченный мост и перед нами открылась широкая гладь Влтавы, с раскинувшимися по обе стороны каменными строениями города.

Где-то через час, навернув бесконечное количество кругов по центру города, мы решили выйти на ближайшей к нашему предполагаемому месту проживания трамвайной остановке. Навигатор упорно не знал и знать не хотел, где находится дом по улице каких-то там ангелов, одиннадцать. На удивление, свернув в ближайший переулок и пройдя пару шагов мимо огромного каменного собора с тускло мерцающими зарешёченными окнами, мы оказались по нужному адресу. Получив от пожилого итальянца звенящую связку ключей, мы протащили наши огромные чемоданы по чудесному наборному паркету, явно прошлого века и захлопнули за собой дверь нашего уютного гнездышка. Пройдя сквозь маленькую прихожую – она же – кухню в большую комнату я сразу проголосовала за эти огромные окна под потолок, завешанные тяжелыми гобеленами штор, за эти высоченные четырёхметровые потолки с изящной лепниной и за антиквар-

ную бронзовую пятирожковую люстру с плафонами в стиле ар-деко. Эстетической пощёчиной этой, чудесно сохранённой в своём обаянии прошлого века, квартирке служил ярко-красной диван, не оставлявшей сомнений о своем шведском происхождении. Родом откуда-то из того же мебельного фастфуда были кровать на тоскливых железных ножках с торчащими шурупами, намекающими на открытую ночную охоту на ваши, встающие за стаканом воды, голые ноги. У стены стояла глянцевая мини-стенка, с модными в начале двухтысячных вставками «под ольху». Венцом этой роскошной обстановки был он – серого пластика телевизор, с выпуклым экраном и огромным кинескопом, торжественно водружённый на нижнюю полку стенки. Несколько оскорблённо, на него глядели изогнувшиеся в изящных позах девушки, изображённые на стеклянных витражах дверей комнаты. В них проглядывалось авторство то ли Альфонса Мухи, то ли неизвестного советского художника, рисовавшего длинноволосых нимф с лейкой для табличек на дверях ванных комнат нашего детства.

Настоящее потрясение простого русского человека у нас вызвала отдельная маленькая комнатка с рядом причудливых литых вешалок для одежды. Мы сразу же разместили в ней целый чемодан обуви, взятый с собой и развесили верхнюю одежду.

К тому времени, от крохотного аэрофлотовского перекуса не осталось и воспоминания, так что, умирая от голода, мы

вышли на поиски еды. Дальше было то, с чего я, собственно, и начала свой рассказ. Печальная ирония нашего прибытия в Прагу была такова, что в этот день чехи традиционно отмечали один из своих любимейших праздников – День освобождения от советской оккупации. Опасливо поглядывая на развешанные вокруг плакаты, выражающие политические воззрения местных, я думала о том, что сегодня наши лица, с явными национальными признаками раскинувшейся на одиннадцать часовых поясов родины, здесь, мягко говоря, не в тему. В тёмных подворотнях центра города не было ни души, лишь на лавке у сквера, свернувшись, спал гражданин Европы, не отягощённый определённым местом жительства.

Спустя примерно час, мы узнали на собственном опыте о том, насколько привержены национальному единству все чехи. И владельцы, и работники чешских супермаркетов тоже. Закрыто было всё. Нет, вообще всё. Я уже было начала представлять, как разместят наши чудесные некрологи в какой-нибудь региональной газетёнке: «и в наше время они становятся жертвами бывшего режима» и там про смерть храбрых от голода, и «они не сдались», и всякое такое, но тут мы, к счастью, набрали на крохотный магазинчик со смешным названием «Жабка». Заспанный парень с длинными волосами, одетый в футболку какой-то металл-группы, пробил нам пару позавчерашних сэндвичей по цене, сравнимой со среднестатистическим дневным заработком обычного россиянина. Один из сэндвичей я, выйдя из магазина, тут же в ми-

нуту проглотила, практически не жуя. И с тем мы благополучно, звеня парой бутылок настоящего чешского, побрели обратно, в нашу уютную квартиру в Прага Один¹.

День второй

«Так глубоко ненавидеть, как я, мы можем только то, что является частью нас самих»

Г. Майринк «Голем»

Кстати, я совсем не сноб (ну да, конечно), но мне совершенно непонятно, как путешествие в любую страну может быть испорчено использованием общественного транспорта. В путешествии нужно радоваться и получать удовольствие, а разве радость и трамвай – это не антонимы? К моему глубокому сожалению, Прага начиналась с трамвая и им же кончалась. Этому неуклюжему, грохочущему монстру здесь принадлежит каждая улочка и каждый переулок. Заявляя о своем главенстве на дороге, он развивает немыслимую для такого вида транспорта скорость и порой, проскальзывает так близко к стенам домов, что кажется, вот-вот высечет о них столп искр. Лично я трамвая совсем не хотела, но муж смог меня убедить, что передвигаться в крошечном городе на берегу поистине преступно и не рационально. Мне пришлось согласиться и начать гуглить ближайшую трамвайную остановку.

---

¹ Прага 1 – городская часть и административный округ или район в центральной части Праги

Некоторое время спустя, я уже стояла, вцепившись в ярко-желтый поручень у широкого окна в конце трамвая и проклинала этот шедевр чешской промышленности, на каждом резком повороте ощущая себя не меньше, чем на каких-то американских горках. Болтанка окончательно уничтожала меня в это холодное утро, приправленное головной болью и моими отчаянными поисками горячего черного чая, единственного спасающего меня от послеперелётной мигрени средства.

Проехав по мосту через реку, трамвай начал петлять в каком-то подобии горного серпантина, все выше забираясь на покрытый хаотично раскинувшимся парком холм. Вынырнув из гущи деревьев, по обеим сторонам пронесли старинные домики, краснокирпичные, с уютными маленькими садами и квадратными дымоходами. Трамвай замер на светофоре у старого здания школы, увитого плющом. В школьном дворе шелестели раскинувшимися кронами огромные дубы, под которыми бегали детишки в разноцветных курточках и резиновых сапожках. Одного из них, ещё совсем малыша, мама качала на висевших там же качельках. Ветер развевал её выбивающиеся из-под воротника пальто волосы и она постоянно свободной рукой пыталась их поправить. Малыш, раскачиваясь всё сильнее, высоко запрокидывал ноги и смеялся.

Почему-то, я не могла оторвать глаз от этой мамы с её малышом и еще долго наблюдала, как она всё качает его, пока

они оба не превратились в маленькие точки в окне трамвая.

Вскоре мы услышали название своей остановки и стали протискиваться к выходу. К великому сожалению, весь трамвай похоже намеревался проделать то же самое. Открылись двери и мы влились в огромную толпу галдящих на всех возможных языках туристов. Они махали своими дурацкими флажками, без конца щёлкали объективами камер и препирались с гвардейцами, стоящими у рамок металлоискателей, за право тащить и дальше свою тёплую, выдохшуюся кока-колу. Невозможно было ступить и шагу, чтобы не уткнуться в кого-то, позирующего на фоне чего-то. Всё это подразумевалось как должное, и никто не возмущался, что его толкнули и сам ни перед кем не извинялся. Перед нами был поистине великий котёл народов в самом его отвратительном буквальном смысле.

Тут важно заметить, что я никогда не испытывала какого-то особого восторга по поводу всей этой готики и средневековой архитектуры. Наверное, мне даже казалось в некотором роде пошлостью восхищение, адресованное настолько явной красоте. Словно, нельзя было что-то сильно любить просто потому что это очень красивое и большое. В моём представлении – это было что-то вроде поклонения простого народа перед грандиозным размахом Версаля – слишком очевидно, и потому, совсем неприемлемо для того, кто не хочет уронить собственное достоинство.

Перед огромным, уходящим двумя угольно-чёрными

шпилями в серое пражское небо собором святого Вита, толпа роняла своё достоинство с исступлением и невиданным размахом. Очередь на вход внутрь извивалась по всей площади, уходя своим концом куда-то за сам собор, в глубину улочек.

Я покрепче вцепилась в руку мужа и заняла: «Пожалуйста, скажи, что мы туда не пойдём!» К моему великому счастью, он так же как и я не любил две вещи: ждать и большие столпотворения. Поэтому, взявшись за руки, мы стали медленно обходить величественные стены этой старинной постройки, разглядывая однотонно-серые в дневном свете витражи окон и украшенные барельефами боковые двери. Барельефы были смешные – с маленькими неуклюжими человечками: где-то они вспахивали поле тяжелым плугом, а где-то, крошечная бронзовая женщина в переднике била чем-то, похожим на скалку, своего нерадивого мужа. И там, и тут жизнь текла рекой, и даже, взирающие с высоких контрфорсов, горгульи не переставали корчить самые разнообразные рожицы и плевать в туристов холодной дождевой водой.

Пройдя через мощёную площадь дальше, мы вышли к узким улочкам, а затем, к большим входным воротам. За ними находилось еще одно обязательное к посещению место – смотровая площадка. Продравшись сквозь тесную толпу, я, наконец, встала у ограждения и смогла рассмотреть что-то, кроме затылка впереди стоящего человека. Перед моими глазами простирался «захватывающий» вид на Прагу. Лад-

но. На самом деле, на переднем плане было несколько красивых красночерепичных крыш средневековых домов, пару высоких башен и немного зеркальной глади Влтавы. Ну, и на этом, в общем-то всё. На задний план можно было поставить вырезанную картинку любого мегаполиса и, я уверяю вас, разницы бы вы не заметили. Пожилая дамочка, стоящая за мной, стала еще более активно «ненавязчиво» толкать меня ручкой своего зонта-трости, чтобы я скорее освободила ей место для чудесного селфи на фоне «жемчужины Европы». И мы ушли с площадки. Я чувствовала себя страшно не выпавшейся, хотелось тишины и уткнуться носом в спину мужа, лежа в тёплой кроватке, а не эти все архитектурно-исторические изыски. Но, как все мы знаем, в путешествии принято использовать каждую минуту на дело, иначе замучает совесть и потом, непременно, нужно будет сидя дома на родине вздыхать, что «половину не успел увидеть».

Еле плетясь по Карловому мосту и разглядывая застывшие в экзальтированных молитвенных позах статуи святых, я думала о том, что вот именно «плестись», «пролезать», «протискиваться» – это очень про Прагу, под завязку набитую набитую толпами зевак, с абсолютно пустыми, не обременёнными интеллектом глазами, вечно жующими свои приторно-сладкие трубочки со взбитыми сливками.

Стоя вечером в большой чугунной ванне, под горячим душем, почему-то прикреплённым на высоте даже ниже моего и без того небольшого роста, я пыталась понять, что же мо-

ему мужу здесь так нравилось. Вспоминала всё, что видела за прошедший день и не находила ничего, чем можно было бы так сильно восхищаться. Я очень злилась. Мне казалось что мы абсолютно разные, совсем не понимаем друг друга и это путешествие тому подтверждение. Он твердил мне про Прагу долбаных четыре года. Под глазами растекались солёные дорожки слёз. Зачем мы вообще потащились сюда в наш медовый месяц? В это время года здесь холодно, сыро. Нет ни малейшей возможности созерцать местную архитектуру, не будучи зажатым со всех сторон кучей орущих людей. А ведь где-то есть море, всякие там белоснежные пляжи и сухой мартини подают в красивом плоском бокале, с бумажным зонтиком и непременно оливкой... Меня окатило ледяной водой и я одним прыжком выскочила из ванны на пушистый коврик. Кажется, теперь я поняла, почему в Европе не принято долго стоять под горячим душем, рассуждая о бренности бытия. Бойлер с горячей водой презрительно мигал на меня своим единственным красным глазом, оповещая о своей пустоте бака и моей пустоте жизни. Вздохнув, я кое-как замотала свои мыльные волосы в полотенце, вышла из ванной и обессиленно упала в объятия мягкой кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.